

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Д. П. Ивинский

Странные сближения бывают:

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОЛЕМИКЕ ИЛИ
О «ЧЕМ-ТО В ЭТОМ РОДЕ»

DOI: 10.53953/08696365_2024_187_3_429

В № 1 «Нового литературного обозрения» за 2024 г. в рубрике «На полях» напечатан текст А.М. Ранчина «“Бывают странные сближения”, или “Граф Нулин” как историческая аллегория», представляющий собой опыт полемики с моей статьей, посвященной изданию пушкинской поэмы и «Бала» Е.А. Баратынского одной книгой (1828)¹. Задача данной заметки состоит в том, чтобы кратко обсудить технику этой полемики, ее содержание и допущенные А.М. Ранчиным неточности.

А.М. Ранчин приводит обширную выписку из моей статьи, относящуюся к пушкинскому наброску о «Графе Нулине» (с. 351—352), и изымает из нее две сноски, никак не отмечая и не поясняя это изъятие. Изъятие второй не комментирую, хотя и она имеет свое значение, а изъятие первой, что называется, делает разницу: изложив версию о сюжете «Графа Нулина» как «параллели» к событиям 14 декабря, проведенной Пушкиным спустя некоторое время после завершения поэмы, я дал ссылку на известный справочник, в котором эта версия была кратко зафиксирована в 2009 г., а именно на первый том издания «Пушкинская энциклопедия. Произведения» (Ивинский 2023, с. 110, примеч. 8). Эту точку зрения я пытаюсь подробно обсуждать в связи с «Двумя повестями», но не объявляю себя первооткрывателем, хотя, разумеется, и не снимаю с себя ответственности за ее трактовку.

А.М. Ранчин пишет: «Идея Ивинского, что в заметке Пушкин трактовал “Графа Нулина” как своего рода историческую аллегория, где Наталья Павловна олицетворяет Николая I, а неудачливый ловелас — участников декабрьского мятежа, представляет собой авторскую реинтерпретацию, перепрочтение, наделяющее текст смыслом, изначально в нем не заложенным. Однако такая трактовка пушкинского наброска и “странных сближений” вызывает сомнения. Она не только противоречит читательскому ощущению, переданному Г.А. Гуковским в словах “В поэме содержится бытовой анекдот — и только” <...>, но и рождает ряд недоуменных вопросов: а кого же обозначают муж Натальи Павловны и ее сосед-любовник Лидин? и аллегорией какого политического события будет в таком случае “драка козла с дворовою собакой”? Но главное: мог ли поэт уподобить своих друзей и близких знакомых, оказавшихся или в петле, или “во глубине сибирских руд”, ничтожному и пустому персонажу с говорящей фамилией Нулин? И в моральном, и в психологическом отношении это представляется совершенно невозможным» (с. 353).

Судя по этому тексту, А.М. Ранчин исходит из того, что обсуждать иносказательный план литературного произведения возможно только тогда, когда удастся

1 Ивинский Д.П. «Две повести в стихах»: 14 декабря, Николай I, князь П.А. Вяземский и другие // Поэзия мысли: От романтизма к современности: к 220-летию Е.А. Баратынского. СПб.: Нестор-История, 2023. С. 108—116 (Далее ссылки в тексте: Ивинский 2023).

соотнести с этим планом все содержание этого произведения или, по крайней мере, всех его персонажей, не только главных, но и эпизодических, включая мельком упоминаемых животных. Любопытно было бы с этой позиции попытаться оценить, например, известные трактовки «Медного всадника» как «петербургской повести» на 14 декабря, или «Анджело» как поэмы, связанной с темой тайного «ухода» Александра I.

Защищая от меня «изначальный смысл» пушкинской поэмы, А.М. Ранчин в этот момент как бы забывает о том, что в моей статье обсуждается не «изначальный смысл» (который, вероятно, А.М. Ранчин сумел восстановить, если с такой уверенностью к нему апеллирует), а смысл позднейший, тот, который она приобрела к моменту двух ее первых публикаций и который в существенной степени проясняет пушкинская заметка о «Графе Нулине». Эта странная забывчивость приводит А.М. Ранчина к попытке опереться на суждение Г.А. Гуковского о *самой поэме* как «бытовом анекдоте». То, что «в поэме содержится бытовой анекдот», не подлежит, разумеется, никакому сомнению, но что к нему ее содержание сводится («и только»), нужно вообще-то доказывать, а это не так просто уже по той причине, что Пушкин, обсуждая свою поэму, меньше всего говорит о «бытовом анекдоте», а больше всего — о его историческом и литературном контекстах, с которыми «анекдот» «странно», но «сближается». Не вижу оснований игнорировать и то обстоятельство, что в том же 1827 г., когда был впервые напечатан «Граф Нулин», Пушкин написал произведение, в котором «декабристский» сюжет раскрывался как аллегорический уже не постфактум, а именно изначально («Арион»²); следовательно, нет ничего принципиально неадекватного пушкинской художественной системе в обсуждаемой мною возможности последекабрьского прочтения «Графа Нулина» в соответствующем иносказательном ключе. Напомню еще раз об аллегорическом «Море» Вяземского, напечатанном в «Северных цветах на 1828 год» рядом с «Графом Нулиным» и тем самым фактически (другой вопрос, случайно или не случайно) оформившем «декабристский» контекст альманашной публикации пушкинской поэмы (подробнее: Ивинский 2023, с. 115).

А.М. Ранчин зачем-то претендует на единственно адекватное понимание «морального и психологического отношения» Пушкина к «декабристам»: он знает, что поэт мог написать, а чего не мог³. В историко-литературных исследованиях та-

-
- 2 О сложной связи «Ариона» с «Графом Нулиным» в «декабристском» контексте см.: Гершензон М.О. Граф Нулин // Пушкин А.С. Граф Нулин. Снимок с издания 1827 г., отредактированного самим А.С. Пушкиным. С приложением статьи М.О. Гершензона. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 10—11.
 - 3 Одно такое рассуждение о пушкинских «возможностях» представляется несколько загадочным. А.М. Ранчин признает «допустимым», что «Пушкин задним числом соотнес комически-пародийное осмысление роли случая в истории <...> с попыткой военного переворота, предпринятого декабристами». И тут же, с цитатой из М.Н. Вирролайн, говорится: «Но заметка “написана позднее, чем поэма, и вызвана размышлениями не столько о содержании произведения, сколько о совпадении даты его создания с декабрьским восстанием <...>”. В самом деле, 13 и 14 декабря, когда была написана поэма, Пушкин, пребывавший в Михайловском, еще ничего не знал об отречении Константина и <...> о ситуации, чреватой бунтом» (с. 352—353). И что? А если бы знал, то гарантированно не мог бы сразу или позднее «соотнести» это свое «осмысление роли случая» (осуществленное только в заметке или уже в поэме?) с «попыткой переворота»? Впрочем, заявление А.М. Ранчина о том, что Пушкин 13 и 14 декабря «ничего не знал» не только о мятеже, но и об отречении великого князя Константина, откровенно противоречит показаниям современников. В.И. Даль связывал несостоявшуюся поездку Пушкина в Петербург с «темными и несвязными слухами» как о «кончине императора», так и об «отречении от престола цесаревича»,

кого рода претензии обычно не комментируются; здесь же позволю себе несколько слов и на эту тему: получается, что, скажем, «мятежам» стрельцов раннепетровского времени Пушкин «уподобить» мятеж 14 декабря мог⁴, а участников последнего Нулину, согласно А.М. Ранчину, не мог; вероятно, А.М. Ранчин полагает, если помнить о первом из этих «уподоблений», что оно для них выгоднее второго. Интересно сопоставить текст А.М. Ранчина об этом не по-«декабристски» «ничтожном» Нулине и с другим общеизвестным пушкинским: «...должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей»⁵. Ср. свидетельство об устных высказываниях Пушкина на ту же тему: «В доверительных разговорах он иногда насмешливо отзывался о своих прежних друзьях или по меньшей мере об их идеях»⁶.

Именно А.М. Ранчин рассуждает об «уподоблении» Нулина сосланным и повешенным, а не я, нет в моей статье и этого слова, смысл которого было бы естественно уточнить. Соотнося Лукрецию и Наталью Павловну, Пушкин выстраивает гипотетический сюжет, заведомо не соответствующий шекспировскому и историческому: первая, «уподобляясь» второй, дает пощечину обидчику. Но уж точно не об их, так сказать, личностном сходстве идет речь у Пушкина, а только о сходстве воображаемых «происшествий». Не более сходства между Нулиным и Тарквинием, и не более «странно сближаются» получившие отпор Нулин и «декабристы»: у Пушкина «уподоблены» не герои, а их сюжетные функции и сюжеты, причем только частично.

И уж конечно, именно Пушкин, а не кто-то другой за него, «странно сблизил» сюжет своей поэмы и с Шекспиром, и с историей Рима, и с восстанием «декабристов»⁷.

а С.А. Соболевский прямо указал, когда именно эти слухи достигли Пушкина: «Известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаний по вопросу о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 декабря» (Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит., 1974. Т. 2. С. 7, 225). И наконец, формулировка «не столько о содержании» не позволяет оное в полной мере игнорировать и не сводит все к «дате»: ясно, что не было бы этого содержания, не пригодилась бы и дата.

- 4 Пушкин <А.С.> Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 40.
- 5 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 7. С. 355—356. Не касаюсь здесь вопросов о том, что такое Нулин и в самом ли деле он так «ничтожен»; ср. любопытную попытку его «реабилитации»: Черашняя Д.И. «Что, если можно?» (еще раз о загадочной поэме «Граф Нулин») // Опыты изучения поэмы: сб. науч. трудов / Сост. Д.И. Черашняя. Ижевск, 2011. С. 73—78.
- 6 Mickiewicz A. Dzieła. Wydanie Rocznicowe: 1798—1998. Warszawa: Spółdzielnia wydawnicza «Czytelnik», 1997. Т. 9. С. 365 (перевод мой; ср.: Мицкевич А. Собрание сочинений в переводе русских писателей под редакцией П.Н. Полевого: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1902. Т. 4. С. 166).
- 7 Другое дело, что если в заметке Пушкина поэма датирована «13 и 14 дек<абря>» (Пушкин <А.С.> Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 188), то в первом дошедшем до нас автографе (чернового или черновых мы не знаем), озаглавленном «Новый Тарквиний 1825 Михайловское», фигурирует только первая из этих дат («1825 — дек<абря> 13» (Там же. 1948. Т. 5. С. 165, 174), и мы не знаем, когда она там появилась, сразу после окончания работы или позднее, во всяком случае другими источниками она не подтверждается: второй известный нам беловой автограф, позднейший, не датирован. Не знаем мы и того, насколько случайным является тот факт, что первое упоминание о поэме в сохранившейся части переписки поэта относится только к марту 1826 г. (Там же. 1959. Т. 13. С. 266),

А.М. Ранчин рассуждает о зафиксированном в записках А.О. Россет-Смирновой, причем как в «апокрифических», так и гарантированно подлинных, предложении высочайшего цензора заменить в пушкинской поэме слово «урьяльник» на «будильник», приписывая мне «идею, что “будильник” для императора и поэта ассоциировался с призывом к восстанию или чем-то в этом роде» (с. 353). Эта «идея» — изобретение А.М. Ранчина, в очередной раз странно сближающего свой текст с моим⁸. В моей статье говорится о том, что «царский будильник усиливал звучание темы времени в пушкинской поэме» и мог быть своеобразным откликом на хронологическую выкладку в концовке пушкинской заметки о «Графе Нулине», если она была отправлена к венценосному цензору в качестве предисловия к основному тексту (Ивинский 2023, с. 111—112).

Учитывая все здесь изложенное, не вижу необходимости комментировать финальное замечание А.М. Ранчина о том, что не только поэта, но и филолога способна «далеко завести речь», «ставшая предметом изучения» (с. 354).

28 февраля 2024 г.

и почему высочайшему цензору поэма была отправлена только в июле 1827 г. Конечно, эти темы и даже вопрос о пушкинской датировке как своего рода мистификации (*Прозоров Ю.М.* Классика: исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 112), требуют отдельного детального обсуждения, как и вероятность того, что шекспировский и бруто-тарквиниевский контекст поэмы мог быть выстроен Пушкиным до и даже задолго до 13—14 декабря 1825 г.

- 8 Одновременно А.М. Ранчин как минимум не вполне корректно излагает мнение С.В. Житомирской о том, что в собственноручных записках Смирновой имела место «ошибка памяти» (с. 354). Во-первых, это мнение касается не подлинности записок, о чем идет речь в моей статье (Ивинский 2023, с. 111, примеч. 12), а оценки достоверности сообщаемых в них сведений. Во-вторых, С.В. Житомирская дважды делает оговорку о предположительности своего мнения, а в-третьих, мнение это выражено ею существенно иначе. Излагая нуждающуюся в дальнейшем изучении версию о Вяземском как источнике Смирновой, С.В. Житомирская писала: «Возможно, что рассказ Смирновой опирается на какую-то полученную от него информацию, со временем несколько трансформировавшуюся в ее памяти» (*Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. С. 690). «Несколько трансформировавшаяся» и «ошибочная» не одно и то же.